

БЕЛЫЙ ЯКУТ

Армейские истории всегда были такими, что слушатели с нетерпением ждали, что же произойдёт с Любомировыми героями — смешное или страшное, загадочное или мистическое. Не обошлось и в этот раз без Любомирова загадочного взгляда на притихших слушателей. И поведал учитель новую армейскую историю.

— Известно, что волосы у якутов как смоль чёрные. Не все знают, что фамилии у них русские. Призывались они ровно на год раньше нас — опытные служаки, не под стать нам. Коренастые или худенькие, но в нашем полку все они были невысокого роста. Многие имели спортивные разряды по вольной борьбе. Но это так, для сведения, к слову пришлось.

Осенью дело было. Сменил тогда разводящий часовых, зашли все в караульное помещение, а Егора Ануфриева не узнать. Над смуглым лицом ершатся белёдые, как весенний снег, волосы. Всем стало интересно, что случилось за те два часа, пока Егор нёс караульную службу, проходил по образованному кронами тоннелю на сопке. Сменивший Егора часовой в темноте не заметил седину товарища, иначе

неизвестно, как бы он повёл себя. На вопросы начальника караула по оповещателю ответил, что ничего необычного на посту не обнаружено.

К расспросам друзей и земляков подключился начальник караула, офицер. Сначала при всех, потом в комнате начальника караула, лицом к лицу с белёсым караульным, пытался выведать начальник причину посещения. Тщетными были усилия. Крепким орешком оказался Егор. Пришлось Ануфриева заменить, не ставить на пост со следующей сменой.

Утром другой офицер сопроводил Егора в особый отдел при штабе полка. Пришлось седовласому солдату беседовать с самим капитаном Магницким. Голос у капитана-особиста такой, что даже при телефонном разговоре непроизвольно встаёшь так, будто прозвучала команда «Смирно!», вытягиваешься в струну. Мурашки пробегали по коже от его сильного металлического голоса.

До конца моей службы в полку было неизвестно ни землякам, ни друзьям — солдатам срочной службы, как прошла беседа в особом отделе, выведал ли Магницкий правду о поседении. Но на загадочном посту с тоннелем, даже после возвращения Егора из штаба, никаких изменений не произошло. По-прежнему тропа часового проходит через сопку. Так же переплетаются над головой кроны орешника, дикого виноградника и молодых дубков. И, как прежде, несут службу на этом посту часовые.

Причина посещения так и осталась для нас «тайной за семью печатями».

ТРИ КАПИТАНА

— Все в сборе? — убедился учитель, когда оказался в окружении учеников. — Этот рассказ не о капитанах дальнего плавания, не о путешественниках по неизведанным морям и океанам. Он о трёх обычных сухопутных капитанах Советской Армии. Необычное в них только то, что всем троим было под пятьдесят, все ростом выше ста

восьмидесяти сантиметров, а триста с лишним килограммов веса делили примерно поровну.

Расслабиться душой и телом хотелось трём капитанам. Потому-то и выбрали они ресторан не в гарнизонном городке, а в Уссурийске, отмечая день любимого ими рода войск. Время шло к закрытию ресторана. Те, кто приходил просто поужинать, успели разойтись. Остались изрядно выпившие посетители, которым что-то не понравилось в трёх «богатырях». Вот и решили они показать друг другу свою удаль, надеясь увидеть поверженными этих нехилых мужиков в гражданской одежде. Задирам не спустили, слово за слово, и завязалась драка.

Как-то случилось, что все ввязавшиеся в кулачные разборки оказались на стороне задир. Крепко держали оборону три капитана. Отбивались не только от кулаков и пинков, но и от летящих в них бутылок, фужеров, стульев и столов. Вызванный работниками ресторана наряд милиции оказался бессилён утихомирить озлобленную толпу. Им на помощь подоспел патруль. Патрульным три «богатыря» подчинились, а с остальными справилась милиция. Патрульные не позволили милиции задержать военнослужащих, предъявивших свои удостоверения личности. Задержание повлекло бы очень серьёзные последствия, бросило тень на родную армию.

О происшествии патруль сообщил в полковой штаб. На следующее утро наши капитаны получили по выговору. Об этом уведомили милицию и директора ресторана. Но руководство заведения, понёсшего от разбоя убытки, вышло с судебным иском на возмещение ущерба. Весь ущерб суд поделил на четырнадцать погромщиков поровну. В финотдел полка поступила доля выплаты трёх капитанов. Решением командира полка причитающаяся сумма была переведена истцу, то есть ресторану, с последующим удержанием из денежного довольствия провинившихся офицеров. Памятно отметили они свой праздник.

Двое из наказанных офицеров мне хорошо знакомы. Капитан Зенцов ещё до происшествия в ресторане был переведён из замполитов нашей роты в техотдел. Капитан

Магницкий до моей переброски в Афганистан продолжал службу начальником особого отдела полка.

Солдатам льстило, что наши капитаны сдержали натиск одиннадцати разъярённых мужиков и наряда милиции.

ЖЕНИТЬБА ЗАМПОЛИТА

— Лейтенант Подвольский после окончания военного училища оказался в нашем полку. До вступления в должность ему полагался отпуск, и он отбыл на Украину. Не знаю, какой бурный роман был у него на малой родине, но финал оказался комичный для одних и трагичный для других. В полку о романе узнали, когда лейтенант сдал отпускное удостоверение. Оказалось, что он вскружил голову землячке так, что та настояла на регистрации брака.

Высокий, статный, симпатичный балагур с погонами лейтенанта, он не мог не понравиться провинциальной девушке. Влюбилась. И это факт уже потому, что украинками обожаемы парни с погонами даже ефрейтора. А он — лейтенант. Молодым сыграли свадьбу по местным обычаям, а в сельсовете брачующимся поставили штамп о регистрации брака. Да вот неувязочка вышла: у невесты штамп оказался в паспорте, а у жениха — в отпускном удостоверении. Не удостоверение военнослужащего Вооружённых сил СССР, заменяющее паспорт, подал Подвольский, а документ, действительный только во время отпуска.

Как решала потом свои проблемы невеста, можно только предполагать. Неизвестно, какие претензии предъявила она работникам сельсовета за их непрофессионализм. В сельсовете узнали о незаконности регистрации брака из письма за подписью командира полка. Смешной случай? Да, можно посмеяться над доверчивостью невесты и над неосмотрительностью работников сельсовета. Но стоит ли? Судьба девушки надломлена. Возможно, что она стала посмешищем не только в своём селе, но и во всей округе.

Не все офицеры отдыхают так. «Шутников», подобных Подвольскому, в армии по пальцам пересчитаешь.

Большинство офицеров — люди добропорядочные, добро-совестно исполняющие свой воинский и гражданский долг.

Мы, солдаты, тогда не думали о возможной трагедии невесты. Нас захлёстывали эмоции от комедии молодого замполита нашей роты, лейтенанта Подвольского.

ЛЫСЫЙ ДЕМБЕЛЬ

Вскоре после рассказа об отпускном приключении Подвольского учитель вынес из закутков своей памяти дру-гую историю, где замполит оказался не второстепенным персонажем.

— Вступив после «женитьбы» в должность замполита роты, лейтенант Подвольский приступил к «закручиванию гаек». Прежний замполит Зенцов дорабатывал с нами срок до перевода и мог на что-то не обращать внимания или просто сделать замечание. У Подвольского же можно было получить наряд вне очереди за небрежно подшитый подворотничок или расстёгнутую верхнюю пуговицу гимнастёрки. За плохо начищенные сапоги он не скупился на три наряда вне очереди.

Осенью, незадолго до демобилизации, в строю на его глаза попал Газмагомедов, нёсший службу в хозяйственном взводе полка.

— Это что за чубатый махновец? — обратился он к сержантам. — Чей? Почему неуставная причёска? Чтоб я больше не видел этого басмача. Тебе, Сазанак, работа. Ясно?

— Так точно, — ответил рядовой Сазанак, по совмести-тельству исполняющий обязанности ротного цирюльника.

Горделивый ингуш Газмагомедов старался не показываться в поле зрения замполита. Через несколько дней, будто вспомнив что-то или кого-то, лейтенант на утреннем построении спросил у прапорщика:

— Почему в строю не все? Где остальные?

— Нет только караула, собаководов и хозяйственного взвода, — ответил взводный.

Кинологи — привилегированная каста, всегда ссылались на то, что они круглые сутки с собаками, и на построения не приходили. Они действительно хлопотали: выставляли собак на посты, готовили пищу и кормили питомцев, убирали после них, чистили и мыли. По требованию в строй прибыли все, кроме караульных. Щеголеватый сержант Соболев, командир отделения собаководов, сам был всегда начищен, отглажен и наодеколонен. Того же он требовал от подчинённых.

— На всех любо-дорого посмотреть. Благодарю за службу, сержант! — сказал замполит и перевёл взгляд на встающего в строй «махновца»: — Рядовой Сазанак, вый-ти из строя. Почему не выполнил приказ?

— Так я... Так он... Не мог же я насильно, — оправдывался низкорослый Миша Сазанак.

— Бегом в роту за табуретом и ножницами. Газмагомедов, ко мне. Садись, — скомандовал лейтенант дембелю.

Указав на табурет, взял у Сазанак ножицы. Ото лба до затылка выстриг полосу так, что стрижка под ноль оказалась неизбежной. Цирюльник Миша после построения так и сделал. Видели бы вы того горделивого ингуша, когда лейтенант орудовал ножницами. Желваки ходили как жернова, а на глаза навернулись слёзы. Такого унижения он не простил бы, но в армии тот прав, у кого больше прав. Не пожелав укоротить шевелюру, дембель лишился её. Всем нам это утреннее построение стало незабываемым уроком: Подвольский дважды замечаний не делает.

СПАСАТЕЛЬ

— Сергей Босыч призывался из Минусинска, — рассказывал Любомир Прокопьевич. — До призыва в армию успел поработать спасателем на лодочной станции. Боец рассказал друзьям, что рядом, на берегу Енисейской протоки, обустроен городской пляж. Чаше спасти приходилось не тех отдыхающих, которые брали в прокат лодки или гидроцикл, а купальщиков. Высокий, стройный, интеллигентный,

красивый лицом, он не мог не нравиться девушкам. Мы шутили над ним:

— Девчата, видя такого симпатичного спасателя, наверное, специально тонули, чтобы быть спасёнными тобой. Он отшучивался:

— Когда я впервые пришёл на работу, коллеги напели мне поучительный куплет: «Наш Серёга-центроспас утопающую спас. А когда на ней женился, сам заплыл и утонулся». Знакомства с девушками были, но я не придавал им значения, не увлекался всерьёз.

Компанейский парень, в котором сквозь форменную одежду проступала интеллигентность, хороший гитарист и певец, знающий немало песен, он в минуты солдатского отдыха оказывался в центре внимания. Играл он и плясовые мелодии — благо плясать у нас было кому. Служба у Сергея проходила без сучка и задоринки.

Когда мы дослуживали первый год, ему предложили ехать на учёбу в школу прапорщиков. Босыч принял решение делать военную карьеру. Перед поездкой на медкомиссию его поставили дневальным по роте. От бессонной ночи глаза воспалились. Окулист «забраковал» нашего друга. После объяснения ситуации Сергею разрешили пройти комиссию повторно. В этот раз зрение оказалось безупречным, но у парня обнаружили плеврит — заболевание лёгких. Вместо поездки в школу прапорщиков он три недели пролежал в госпитале.

Пока нашего друга лечили, мы узнали у полкового доктора, что плеврит не приводит к инвалидности, полностью излечивается. На гражданке наш Сергей сможет работать, иметь жену и детей, радоваться жизни. Сникшего после лечения друга мы поддерживали до его отъезда из армии. Сергея демобилизовали с отметкой: «Годен для прохождения службы в военное время».

Оставшиеся дослуживать в полку, наверное, долго скучали по гитаристу и хорошему другу Серёге Босычу. Меня самого армейская круговерть вскоре закрутила так, что Серёгина проблема показалась мелочью жизни. Одно слово может сказать о многом — Афган.